
ЭКОНОМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

К ИСТОКАМ “ГУМАНИТАРНОЙ ЭКОНОМИКИ”

© 2013 г. В. Миловидов

Финансовый кризис 2007–2008 гг. не только потряс основы современной финансовой системы, но и серьезно повлиял на развитие экономической мысли. Внимание исследователей сегодня все больше привлекают гуманитарные (“человеческие”) аспекты экономических процессов и явлений, или так называемая гуманитарная экономика (*human economy*). Это не новая тенденция. Дискуссия между двумя методологическими подходами к анализу закономерностей хозяйственных отношений – “экономизмом” и “гуманитаризмом” – имеет долгую историю.

“ЭКОНОМИЗМ” ПРОТИВ “ГУМАНИТАРИЗМА”

“Экономизм”, опирающийся на неоклассическую концепцию рационального выбора, стал мейнстримом политической экономии. Однако экономическая наука, по определению одного из наиболее ярких представителей немецкой исторической школы XIX в. Бруно Гильдебранда, была для всей смитовой школы только учением мены. В нем человек признается лишь эгоистической силой, действующей, как и всякая другая сила природы, всегда в одном и том же направлении и ведущей при одинаковых условиях всегда к одним и тем же последствиям¹.

“Гуманитаризм”, напротив, нацелен на защиту самого человека, наполненного духовной силой высшего разума, человека со всеми его чувствами, грехами и добродетелями, лежащими в основе всех экономических связей, событий и процессов. Один из современных представителей “гуманитарной экономики” Эдвард Хадас подчеркивает: “Поскольку экономика является наукой о человеке, экономистам следует знать человеческую природу – то, что существенно для человека”². Это,

по всей видимости, понимал и основоположник “экономизма” Адам Смит, который начинал свой путь к анализу хозяйственных закономерностей с исследования нравственных чувств.

На протяжении долгих лет столпы экономического мейнстрима “расчеловечивали” экономику. Но они же в конечном счете и формировали доказательную базу ее гуманитарной природы. И, надо сказать, преуспели в этом.

Кризис, которым завершилось первое десятилетие XXI в., наглядно показал, что ни одна из существующих доктрин экономического мейнстрима не смогла объяснить и предупредить финансовый коллапс. В то же время созрела целая плеяда исследователей, в том числе антропологов, социологов, историков, оказавшихся очень кстати на кризисном переломе XX–XXI вв. В своих работах, лишенных формул и математических зависимостей и зачастую напоминающих научно-публицистические памфлеты, они смогли развернуть массовое сознание в сторону экономического гуманитаризма.

Современное поколение исследователей “гуманитарной экономики” представлено целым рядом имен: Дэвид Грэбер, Эдвард Хадас, Крис Ханн, Кэйт Харт. Последний, работая на кафедре гуманитарных наук Университета Претории (ЮАР), инициировал разработку программы изучения этого предмета. Идея “гуманитарной экономики”, по мнению авторов программы, возникла в недрах антиглобалистского движения. Площадкой для ее продвижения стал Всемирный социальный форум (*World Social Forum*), впервые в 2001 г. собравший в Бразилии представителей различных гуманитарных и неправительственных организаций, находящихся в оппозиции неоклассическому мейнстриму.

Не умаляя значение как самого форума, так и формирующейся вокруг него социальной, антиглобалистской, гуманитарной идеологии, следует заметить, что проблемы гуманитарности хозяйственных отношений исследовались европейскими мыслителями еще в период промышленной революции на рубеже XVIII–XIX вв. Сами же эти

МИЛОВИДОВ Владимир Дмитриевич, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой международных финансов МГИМО (У) МИД России (vmilovidov@hotmail.com).

¹ См.: Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. М., 2012. С. 22а–22б.

² Hadas Ed. Human Goods and Economic Evils. A Moral Approach to the Dismal Science. Wilmington, 2007. С. 65.

идеи зародились намного раньше, в недрах античной философии и культуры, то есть еще до того, как Аристотель дал название науке о хозяйстве – “экономика”.

“ИЩУ ЧЕЛОВЕКА”

Эту фразу приписывают греческому философу Диогену Синопскому, порой бродившему среди бела дня с фонарем в руках³. О нем сохранилось много противоречивых преданий, слухов и даже анекдотов. По сведениям историков и биографов, Диоген был сыном некоего Гекесия, заведовавшего казенным меняльным столом⁴. Иными словами, он был сыном трапезита или трапезитая – так в Древней Греции называли менял и протобанкиров. Впервые они упоминаются в 432 г. до н.э.

Как свидетельствует его тезка Диоген Лаэртский (древнегреческий историк и философ начала III века н.э.), Диоген Синопский вместе с отцом якобы занимался порчей монет, обрезая их края. Этому занятию предшествовало посещение Храма Аполлона на острове Делос, где он поинтересовался у Оракула, как вести себя, чтобы избежать искушений. Оракул дал ему весьма туманный ответ: “Измени общепринятые ценности”. Диоген как будто бы не понял истинного смысла сказанного и решил изменить ценность денег порчей монет. В результате был изобличен и отправлен в вынужденное изгнание.

Что же на самом деле посоветовал Диогену Оракул? На этот счет нет ясных свидетельств, что позволяет свободно поразмышлять. В греческом оригинале истории о Диогене присутствует фраза “изменить политические обычаи” (*politikon nomisma*). “Обычай”, (“традиция”, “заведенный порядок”) на греческом звучит и пишется так же, как и “деньги” (“валюта”, “монета”) – “номисма” (*nomisma*). Синонимичность понятий, похоже, и сыграла злую шутку с Диогеном – он начал буквально менять ценность монет.

Слово “политический” по своему происхождению синоним понятий “гражданский” и “общественный”⁵. Соединение понятий “политический” (*politikon*) и “традиции”, или “ценности” (*nomisma*), по сути, указывает на некоторые общественные договоренности, устои и правила поведения в обычной жизни.

Смысл совета, данного Оракулом, становится особенно очевидным, если учесть, что Диогена склоняли к подделке монет другие работники⁶. То есть, можно предположить, что в окружающей его среде жульничество казенных менял, подделки, были хоть и плохой, но “традицией”. И Оракул, возможно, советует Диогену не следовать дурным примерам и правилам.

Но есть и еще одно предположение. Храм Аполлона в Делосе, куда пришел Диоген, был мощным общественным центром Древней Греции. До 454 г. до н.э. в нем находилась общая казна Делосского союза (лиги), созданного Афинами вместе с другими греческими городами во время войны с персами, когда в казну поступали взносы городов-союзников. Средства казны использовались не только в целях военного отпора противнику, но также для кредитования и оказания городам финансовой помощи.

В 454 г. до н.э. Перикл добивается перевода казны в Афины. В некоторых современных источниках эти события считают первым случаем дефолта, или банкротства (храм Аполлона оказался несостоятельным, поскольку несколько городов отказались возвращать свои долги⁷). Думается, это весьма вольная трактовка тех событий, подведение их под логику современных долговых перипетий в Евросоюзе. Скорее, речь идет о желании греческих городов выйти из союза и перестать перечислять взносы в общую казну.

Как бы там ни было, в эпоху Диогена кредитные операции весьма активно развивались именно при храмах. И Дельфийский храм давал деньги займы городским общинам и отдельным лицам и взимал за это проценты⁸. В этих условиях прямая порча монет, своего рода дисконтирование при обмене испорченной монеты на качественную, становилось своеобразным способом заработка. Вместо порчи монет можно было бы расширять кредитные операции, ссужая деньги под проценты. Оракул из Деллоса, видимо, знал, что говорил, советуя Диогену изменить сложившиеся традиции: стать одним из первых греческих трапезитов и приумножать денежное богатство!

Человеческие отношения, взаимное общение и стремление к благу – вот что определяет развитие экономики и финансовых транзакций с глубокой древности. Став философом, неудавшийся фаль-

³ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 2011. С. 227.

⁴ См.: Там же. С. 220.

⁵ См.: Аристотель. Политика. М., 2012. С. 22.

⁶ См.: Диоген Лаэртский. Цит. соч. С. 220.

⁷ См.: <http://dromeas.livejournal.com/29036.html>;

<http://kykladesnews.gr/oikonomia/39-economycategory/59926-2011-10-04-11-52-54.html>

⁸ См.: Кулишер М. Очерки этнографии и культуры. СПб., 1887. С. 242–243.

шивомонетчик Диоген возвращается к идее взаимных общественных договоренностей и обязанностей. Нуждаясь в деньгах, вместо привычных слов: “дайте мне денег”, он говорит друзьям: “отдайте мои деньги”⁹. Тем самым, он как бы пытался изменить общепринятую систему координат: не он должен, а ему должны.

“Человеческое существование само по себе есть форма долга”, – полагает американский антрополог Дэвид Грэбер¹⁰. Диоген, жертвуя материальным благом, неся в мир отсутствующую в нем мудрость, не просто возвращает свой долг перед обществом за юношеский соблазн и недалекость, но и делает этому обществу одолжение. В “бесчеловечных” отношениях денежных расчетов, обмена и долгов он находит Человека, которому окружающие его люди хотя бы чем-то могут быть обязаны.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА ГЕСИОДА

За три столетия до диогеновых поисков Человека, в конце VIII в. до н.э. древнегреческий рапсо́д, крестьянин-философ Гесиод в поэме “Работы и дни” одним из первых раскрыл основы “гуманитарной экономики”. Поэма, по сути, описывает хозяйственную жизнь древних греков. Она, по выражению русского ученого-востоковеда Г. Властова, верный снимок с жизни не только виотийцев, но и всех греков, во всяком случае, всех жителей северной части Греции, так называемого Левадийского полуострова¹¹.

Это произведение наполнено переживаниями самого Гесиода. В их основе конфликт с братом Персом по поводу унаследованной собственности. В форме поэтического обращения к брату Гесиод дает вполне законченные и логически взаимосвязанные моральные, религиозные, политические, социальные и экономические наставления. В единую канву вплетаются мифы, описание религиозных ритуалов, нравственные и хозяйственные советы. Фактически, можно считать этот текст одним из первых изложений хозяйственной этики, близкой к тому, что современные историки называют “протестантской этикой”¹².

“Ранний протестантизм” Гесиода зиждется на двух постулатах: 1) человек сам может достичь лучшего будущего, полагаясь на себя самого, на свой упорный созидательный труд; 2) в своей

трудовой деятельности человек должен соответствовать высоким нравственным требованиям: отказаться от вражды с другими людьми, быть справедливым, осознавать свою личную ответственность. Здесь проявляется уже достаточно четкое представление Гесиода о хозяйственном индивидуализме человека, выраженном в совокупности нравственных чувств: от эгоизма и зависти до стыда и справедливого негодования. Своими поучениями он пытается встроить человека-индивидуалиста в рамки хозяйственных отношений, имеющих нравственную регламентацию.

Следует заметить, что существуют разные точки зрения на хронологию возникновения и трансформации индивидуализма. Так, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Дипак Лал полагает: «Как бы там ни было, нет сомнений, что к XIII веку “индивидуализм” был принят по крайней мере в части Западной Европы». Именно этот индивидуализм, по его словам, «стал воплощением понятия “личности”, уникального в человеческой истории»¹³. Формирование индивидуализма Лал объясняет прежде всего распространением христианства.

Французский историк Жак Ле Гофф в свою очередь связывает с “высоким Средневековьем” возникновение представлений о денежном богатстве. Ссылаясь на некоего японского медиевиста, якобы утверждавшего, что “богач родился в средние века”, Ле Гофф полагает, что в VI–XII вв. “преобладало социальное противопоставление сильных и слабых”, а с начала XIII – до конца XV в. “главной стала пара *dives* и *pauper* (богатый и бедный)”¹⁴. Хронологическое совпадение зарождения индивидуализма и возникновения представлений о богатстве и собственности вполне логично. Но, несмотря на авторитетные свидетельства, после прочтения поэмы Гесиода возникают серьезные сомнения относительно столь позднего их появления.

Выделяют разные формы индивидуализма. Так, например, Д. Лал различает индивидуализм индуистских отшельников (“не от мира сего”) и индивидуализм мирской, индивидуализм Запада (“от мира сего”)¹⁵. Однако без пробуждения своего “я” вряд ли человек смог бы вырваться из пут

⁹ Диоген Лаэртский. Цит. соч. С. 228.

¹⁰ Graeber D. Debt: The First 5000 years. N.Y., 2011. С. 56.

¹¹ См.: Властов Г. Отдел первый. Вступление / Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла. М., 2012. С. 10.

¹² См.: Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007. С. 53.

¹³ Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007. С. 95, 96.

¹⁴ Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 6–8.

¹⁵ См.: Лал Д. Цит. соч. С. 95.

первобытного коллективизма и заняться производством и обменом. Как мы можем тогда объяснить появление кредитных отношений и долгов за 2–3 тысячелетия до нашей эры?

Кредит и долги – это общественные отношения, но связывающие прежде всего индивидов. Д. Лал утверждает, что “индивидуализм, который многие считают признаком Западной цивилизации, возник не у греков”, но Гесиод свидетельствует, что уже в Древней Греции формируется не просто мировоззрение “хозяйственного”, “земного” индивидуализма, но понимание того, что этот “хозяйственный индивидуализм” должен быть гуманитарным, то есть ответственным и нравственным, неотделимым от человеческих отношений.

Конечно, христианская социальная и хозяйственная этика сыграла огромную роль в становлении современной экономической системы и ее институтов. Однако мы же не можем представить себе всю глубину и весь смысл христианского мировоззрения без Ветхого завета и законов Моисея, которые заповедал ему Бог. Но они, строго говоря, не христианские. Нравственные наставления Гесиода, содержащиеся в поэме “Работы и дни”, также не являются христианскими в буквальном смысле слова, но тем не менее в ряде случаев они повторяют нравоучения Ветхого завета.

Например, Гесиод негодует на своего брата: “Давно между нами наследство разделено, но многое другое ты грабежом унес, весьма прославляя царей, пожирающих подарки и которые как хотят, так и судят”¹⁶. Отталкиваясь от обстоятельств семейной распри, он ставит в пример судебные решения, которые “как для чужеземцев, так и для граждан постановляются праведно и не отклоняются от того, что справедливо”¹⁷. Моисей же дает такое наставление судьям: “Выслушивайте братьев ваших и судите справедливо как брата с братом, так и пришельцев его”¹⁸.

Труд в поте лица – таков удел человека, согласно библейским заветам. Труд – это и центральная тема поэмы Гесиода. “Работа вовсе не постыдна, бездельничество то постыдно”, – пишет он¹⁹. Кроме этого древнегреческий поэт, как и Моисей, в равной степени осуждают прелюбодеяния, непочтение к родителям, ложные свидетельства²⁰. Оба исходят из того, что закон правды и справед-

ливости дан Богом²¹. В поэме Гесиода мы обнаруживаем признаки монотеизма. Единственный Бог, о котором он говорит, к которому обращает свои речи, чьи законы правды излагает, – это Зевс²².

При чтении поэмы ничто не мешает представить Гесиода одним из первых приверженцев Моисеевых заповедей, появившихся вне территории Иудеи. Он еще находится во власти местных религиозных ритуалов, пытается осмыслить новые идеи, доносящиеся до него в слухах и пересказах. Исключительно в контексте своей веры, совершенно неосознанно, возможно, интуитивно он движется к наступающей с Востока просветляющей вере. Да и кто может сказать наверняка, что в конце VIII – начале VII в. до н.э. учения и заветы иудейских пророков не достигали берегов Древней Греции²³.

Время жизни и творчества Гесиода приходится на 750–650 гг. до н.э. Согласно библейской хронологии, в этот период в Иудее правит, в частности, царь Езекия (727–698 гг. до н.э.) и пророчествует Исаия. В видениях Пророка Исаии мы находим ссылки на торговлю с Фарсисом (по некоторым данным, город в Малой Азии), на “возмещение” Фарсису из земли Киттийской (предположительно Кипр, на котором также заселялись выходцы из Малой Азии). Отец же Гесиода – выходец из тех же мест и, как пишет Г. Властов, “по промыслу торговец, плававший на корабле по Егейскому морю”²⁴. Властов достраивает историю общения Гесиода с отцом: “Отец Гесиода, по всей вероятности, вспоминал также о тех мифологических сказаниях, слышанных им в Эолии”²⁵.

Ко времени жизни Гесиода, судя по книгам Ветхого Завета, на территории Малой Азии уже могли быть известны библейские истории и законы Моисея. По крайней мере активная финикийская торговля могла способствовать перенесению преданий иудеев не только в Малую Азию, но и на Балканский полуостров. Например, Исаия предвидит, как народы “перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на

²¹ См.: Ветхий завет. Второзаконие. Гл. 5. Ст. 2–5; *Гесиод*. Цит. соч. Ст. 279.

²² См.: *Гесиод*. Цит. соч. С. 36.

²³ Это отдельная и весьма сложная тема, требующая специального исследования. В научной литературе имеются свидетельства взаимного влияния древних культур. См. подробнее: *М. Даймонт*. Евреи, Бог и история. М., 1994; *Feldman L.* Judaism and Hellenism Reconsidered. Leiden, 2006.

²⁴ *Властов Г.* Цит. соч. С. 11.

²⁵ Там же. С. 13. (Эолия – Эолида, часть западного побережья Малой Азии.)

¹⁶ *Гесиод*. Цит. соч. Ст. 37–39.

¹⁷ Там же. Ст. 225–226.

¹⁸ Ветхий завет. Второзаконие. Гл. 1. Ст. 16 (цит. по: <http://www.patriarchia.ru/bible/deu/>).

¹⁹ *Гесиод*. Цит. соч. Ст. 311.

²⁰ См.: Ветхий завет. Второзаконие. Гл. 6. Ст. 16, 18, 20, 21; *Гесиод*. Цит. соч. Ст. 188–194, 214, 219, 287–288, 327–331.

народ меча, и не будет более учиться воевать”²⁶. Также и Гесиод открывает свою поэму с повествования о двух Эрисах или Эридах, то есть двух видах соперничества между людьми: злобной вражды и созидательной состязательности. Одна “ищет только умножить злую войну и раздор жестокий”, а другая “бездейственных к делу призывает”²⁷. Он явно симпатизирует второй и видит ее в роли основной “правительницы” человеческих отношений.

Эти семена, из которых выросло древо христианской веры и в некотором смысле протестантская этика, в поэме Гесиода едва различимы. Наш привычный взгляд, сформированный куда более поздними изложениями и толкованиями древнегреческих преданий, не улавливает тонких связей между мифами и хозяйственными наставлениями. Мы видим отвлеченные нравования, якобы героический миф о Прометее, вражду различных народов на территории Древней Греции²⁸. Миф о Пандоре мы готовы превратить в комедийный сюжет, а “легенды о поколениях” пытаемся вырвать из контекста произведения Гесиода, приписав им, например, идеологию прогрессизма²⁹.

Поэма Гесиода не может быть исследована по частям. Это целостное и логически выстроенное произведение, где буквально каждое слово, каждый стих находит себе смысловую пару. Это одно из первых гуманистических учений о хозяйственных отношениях, сочетающих в себе рациональный выбор и социальную ответственность.

Можно привести несколько примеров “парных”, взаимодополняемых в смысловом плане стихов поэмы Гесиода, свидетельствующих о достаточно стройной авторской концепции “социально ответственного” и “гуманитарного” индивидуализма хозяйствующего субъекта. Первая пара – осознание хозяйственной выгоды и одновременно убежденность, что ее единственным источником является труд человека. В поэме есть целый ряд наставлений (ст. 349–351, 353–355, 722–723), выводящих, по словам Властова, на первый план “закон своей выгоды”³⁰. Но при этом Гесиод указывает на необходимость самостоятельно зарабатывать добро и обеспечивать себе достойную жизнь (ст. 298–319, 324, 363–367, 496). “От работы человеку и многочисленные стада и

богатства”, – говорит он³¹. Гесиод также советует избегать “неправедного прибýtка” (ст. 352), возвращать “условленную плату” (ст. 370).

Еще одна смысловая пара – ведение хозяйственной, трудовой деятельности, создание собственным трудом “того, чего нет” в сочетании с ответственностью перед другими людьми и перед Богом, вознаграждающим человека за его труды. Гесиод предупреждает: “Если же кто насилуем рук великие богатства захватит, ... легко того опять ввергают в ничтожество боги; уменьшается же и семья мужа такого; только малое время его сопровождает богатство”³². Третья пара – эгоизм и стремление к выгоде, сочетающиеся с умением благодарить других, помогать им и одаривать их. В этом сочетании в известной мере проявляются начала эквивалентного обмена, но обмена, не исчерпывающего все межличностные отношения. “Если сосед честно отмеривает тебе, правильно и ты отдавай тою же мерою и даже с излишком, если можешь”, – говорит автор поэмы и делает оговорку: “Дающим и им дают, ничего не дающим никто не дает”³³.

Древний рапсод постоянно обращается к высшей власти Зевса, говорит о жертвоприношениях Богу, но нигде не упоминает о жрецах. Характерные для Гесиода прямое обращение к Богу, общение с ним и личная ответственность перед ним – еще одно свидетельство зарождения того выстроенного на более поздних христианских принципах индивидуализма, который и формирует современную личность. По сути, Гесиод одним из первых сформулировал концепцию “мещанского духа” и “мещанских добродетелей”, то есть того, что, согласно Вернеру Зомбарту, создает буржуа³⁴.

Властов видит в Гесиоде носителя некоей культуры, древнейшего культа, пришедшего чуть ли не с Памира³⁵. Однако можно увидеть в нем и носителя едва зарождающейся буржуазной этики и буржуазного мировоззрения. Гесиод – протобуржуа, сумевший изложить свое представление о хозяйственных нравах. Ему знакомы самые разные виды деятельности: кузнечное ремесло, земледелие и скотоводство, мореплавание и торговля. Гесиод очень реалистичен в определении мотиваций к торговому делу и мореплаванию: “Желаешь

²⁶ Книга Пророка Исаии. Гл. 2, ст. 4.

²⁷ Гесиод. Цит. соч. С. 82.

²⁸ Так, например, считает Г. Властов. См.: Властов Г. “Теогония” Гесиода и Прометей. М., 2012.

²⁹ См. подробнее: Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007.

³⁰ См.: Властов Г. Отдел первый. Вступление. С. 38.

³¹ Гесиод. Цит. соч. Ст. 308.

³² Там же. Ст. 321, 325–326.

³³ Гесиод. Цит. соч. Ст. 349, 355.

³⁴ См.: Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Буржуа. Еврей и хозяйственная жизнь. М., 2004.

³⁵ См.: Гесиод. Цит. соч. С. 10, 14, 16.

ли от долгов убежать и от безрадостного голода, укажу тебе законы многоревушего моря”³⁶.

Властов так характеризует человеческие образы, выводимые в поэме “Работы и дни”: “Гесиод вводит читателя в мир плебеев, в среду людей, не имеющих претензии происходить от богов, и в семействе которых не было места сверх естественным явлениям”³⁷. Эти плебеи и есть прародители более позднего мещанского сословия, стоявшего у истоков буржуазной культуры.

Протобуржуазность Гесиода еще раз наводит на мысль о духовном родстве его мировоззрения с иудаизмом, заложившим основу христианства. Как пишет Макс Вебер: «Ремесленник, а в определенных обстоятельствах и торговец, полагает, что добропорядочность соответствует его собственным интересам, что хорошо выполненная работа и верность своему долгу “вознаграждаются” и действительно “достойны” награды; следовательно, формируется этически рациональная этика справедливого воздаяния»³⁸. По мнению Вебера, мышление Гесиода “было связано с кругами, далекими от священства”³⁹, то есть, очевидно, было более приземленным, рациональным, индивидуалистическим, но наполненным духом добропорядочного хозяйствования.

МИФЫ С НАМЕКОМ

Поэму Гесиода можно условно разделить на две части. Первая представляет собой изложение мифов и преданий, предваряющих содержание второй части – собственно хозяйственных советов и этических наставлений. Казалось бы, сюжеты мифов никак не пересекаются с последующими практическими выводами и наставлениями, но это лишь на первый взгляд. Обратимся к мифологической части поэмы, куда вошли в хронологическом порядке: предание о двух Эридах, покровительствующих “доброму” и “злому” соперничеству; миф о Прометее; миф о Пандоре, а также легенда о “золотом”, “серебряном”, “медном”, “героическом” и “железном” поколениях людей.

Все эти истории в поэме связывает нечто общее. И это общее – мировоззренческая концепция Гесиода о добре и зле. Добро – все то, что человек создает и чего достигает тяжелым трудом, преодолевая трудности, преодолевая болезни и соблазны. Зло же воплощает все приобретенное

вследствие обмана, хитрости, насилия, подкупа судей, лжесвидетельства в противовес полученному в процессе справедливого, обмена при открытом и созидательном состязании.

Эриды – это своего рода пограничные столбы между добром и злом: по одну сторону – мирное сосуществование и хозяйствование, по другую – вражда и захват. И Прометей приходит к людям с территории зла. “Прометей есть представитель всей той массы знаний и сведений, которую мы назовем кочевой культурой”⁴⁰.

В поэме “Теогония” Гесиод начинает миф о Прометее с напоминания о некогда имевшем месте “состязания” между богами и людьми. Прометей приносит в жертву Зевсу быка, но при этом идет на хитрость, деля тушу животного на две неравноценные части: съедобное мясо и несъедобные кости⁴¹. Гесиод полагает, что в наказание за обман боги “скрыли от людей пищу”, теперь чтобы ее добыть, нужно приложить усилия, потрудиться. “Легко бы было в день один приобрести то, что ты за целый год имеешь”, – признает Гесиод. Но тогда человек перестал бы трудиться, “труды вола и терпение работающего мула прекратились бы”⁴².

Прометей, казалось бы, упрощает людям жизнь, забирая огонь у богов, но в логике Гесиода это отнюдь не благо, человек должен расплачиваться за этот акт (“похищенное добро” есть зло). И здесь нас не должен смущать эпитет “благородный”, которым удостаивает Гесиод Прометея. Прометей – благородный сын Иапета, титана, когда-то враждовавшего с Зевсом и пораженного им, то есть достойный продолжатель дел своего родителя. Поэтому “благородство” Прометея в устах Гесиода имеет, скорее, негативную коннотацию. В дальнейшем эти смысловые оттенки поблекли. В более алчные и циничные эпохи хитрость и вороватость Прометея превращаются чуть ли не в достоинства.

Миф о Прометее сменяет миф о Пандоре. Пандора – наказание людям за то, что они воспользовались ворованным, не пожелав отказаться от обмана и осудить его. Однако уже на протяжении многих веков Прометей воспринимается людьми как некий символ человеческой тяги к знанию и прогрессу. Д. Лал говорит о “промеевском типе” развития как об “основанной на технологии более современной форме роста”⁴³. Однако из глубины

³⁶ Гесиод. Цит. соч. Ст. 647–648.

³⁷ Властов Г. Цит. соч. С. 18.

³⁸ Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ). Избранное: Образ общества. СПб., 2012. С. 159.

³⁹ Там же. С. 165.

⁴⁰ Властов Г. “Теогония” Гесиода и Прометей. С. 208.

⁴¹ См.: там же. С. 181; Гесиод. Цит. соч. Ст. 538–541.

⁴² Гесиод. Цит. соч. Ст. 43–44, 46.

⁴³ Лал. Д. Цит. соч. С. 39.

тысячелетий доносят до нас отрезвляющие слова Гесиода о том, что не может быть истинного прогресса человечества на основе стяжательства и вражды. Миф о Пандоре – квинтэссенция этого послания.

Зевс испытывает людей своим даром. Дар Пандоры – хранилище чувств и страстей. По велению Зевса боги наделяют ее не только добродетелями, но и слабостями: “бесстыдным умом и плутовскими наклонностями”. Ее душу наполняют “обманы и льстивые речи”. И это все “на горе мужей работающих”⁴⁴. Почему на горе? В логике Гесиода Пандора – воплощение соблазна, отвлечения от труда, она пробуждает в человеке стремление к богатству, причем не самыми благочестивыми способами. Охваченный страстями, человек готов совершать самые неблагоприятные поступки, чтобы одаривать, “зло свое любимое обнимая”. Имя Пандоры – “всем одаренная”, весьма символично.

С собой Пандора, видимо, несет сосуд с тайным содержимым. Гесиод не уточняет, откуда берется он, кто ей вручает этот сосуд. Он лишь говорит о том, что Пандора снимает с него “великую крышку”, после чего по Земле распространяются беды, которых люди до этого не знали: зло, тяжелая работа и мучительные болезни. Зевс приказывает Пандоре закрыть крышку сосуда только тогда, когда внутри остается одна Надежда.

Весьма интересную трактовку мифа о Пандоре дает Фридрих Ницше в работе “Человеческое, слишком человеческое”. По его мнению, главное зло в сосуде, принесенном Пандорой, и есть Надежда. “Зевс хотел, чтобы человек, сколько бы его ни мучили иные бедствия, не бросал жизни, а всегда вновь давал бы себя мучить, – рассуждает Ницше, – для этого он дал человеку надежду: она в действительности есть худшее из зол, ибо удлиняет мучение людей”⁴⁵.

Гесиод не столь прямолинеен в оценках, но и для него Надежда – это скорее зло, чем благо. Надежда – удел тех, кто не заботится о собственном благополучии, полагаясь на собственный труд. Пустые надежды толкают человека на преступление, они результат нужды, а нужда – продукт праздности. Труд в поте лица – вот истинная надежда человека. Это – великое средство развития и прогресса, но это и божья кара⁴⁶.

⁴⁴ Гесиод. Цит. соч. Ст. 82.

⁴⁵ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. СПб., 2007. С. 71.

⁴⁶ См.: Гесиод. Цит. соч. Ст. 498–500.

Таким образом, в начале поэмы “Работы и дни” Гесиод излагает свои принципы хозяйственной этики: созидательная состязательность (или, говоря современным языком, конкуренция) как “закон правды” (ст. 278–280); труд, противостоящий стяжательству, обману, несправедливости, богатству, захваченному “насилием рук” (ст. 320–321); надежда на рост благосостояния, увеличение дохода от личной трудовой деятельности. Только благодаря этим взаимосвязанным принципам “град процветает, и народ процветает в нем” (ст. 227). В этой логике следует рассматривать и приводимую Гесиодом легенду о поколениях или человеческих родах.

ЖЕЛЕЗНОЕ ПОКОЛЕНИЕ ТРУЖЕНИКОВ

Можно согласиться с Робертом Нисбетом, полагающим, что описанная Гесиодом последовательность смены человеческих родов, или поколений, “ни в коей мере не свидетельствует о постоянном ухудшении доли людской”⁴⁷. Речь, очевидно, идет о трех “возрастах” человека (детство, юношество и зрелость), различающихся мотивациями к труду и его восприятием. Эти отличия определяют условную продолжительность нахождения человека в том или ином возрасте.

Первое “золотое поколение” людей практически не имеет мотиваций к развитию и деятельности: всякое благо их удел (ст. 117). Они добровольно и спокойно наслаждаются работой (ст. 119), поле “самородком щедро и во множестве” приносит им плоды (ст. 118). Они живут в окружении благ, поэтому умирают “как сном объятые” (ст. 116). Они воплощают собой детство человечества, возможно поэтому после смерти превращаются в даймонов, ангелов, стражей смертных людей (ст. 123).

Второе – “серебряное поколение” – отличает юношеская задиристость. Его представители обречены на недолгую жизнь, “страдания имея ради своего неразумия” (ст. 134). Им свойствен буйный, необузданный нрав, непочтение к богам. В некотором смысле это “повзрослевшее” и достигшее юности первое поколение, выросшее “при матери” и “в доме ея” (ст. 131). Эти люди крайне неразумны, неопытны, но избалованы и своенравны. Именно в силу этого они становятся “подземными блаженными”, духами, а может быть, и бесами, смущающими людей своими кознями и проделками. Представители первого поколения превращаются в детей-духов, носителей чело-

⁴⁷ Нисбет Р. Цит. соч. С. 50.

веческих иллюзий, наивности, идеализирующей мир, представители второго поколения – в бесов раздражения, необузданности нрава, вспыльчивости и нигилизма.

Следующие три группы – “медное поколение”, “поколение героев” и “железное поколение” – являются воплощением человеческой зрелости. Видимо, поэтому Гесиод отказывает им в превращении в духов. Он представляет нам три модели поведения зрелого человека: 1) ожесточенная вражда с другими; 2) героическая миссия борца и воина за идеалы; 3) тяжкий будничнейший труд в заботах об общественных благах.

Первая модель раскрывается через мотивации людей “медного поколения”, чей удел – вражда, “дела горя и насилия” (ст. 146). Это жестокие воины, которые не заняты земледелием: “хлеба из зерна они не ели, но твердый как сталь имели они дух” (ст. 146–147). Они гибнут, “сраженные своими руками” (ст. 152). Вторая модель – героический ратный труд во имя определенных целей: “за овечьи стада Эдипа”, “ради Елены краснокудрявой”. Зевс не уничтожает это поколение “идейных борцов”, а поселяет его на краю земли, на “островах блаженных” (ст. 168, 171). Причем, подальше от “бессмертных” (ст. 169). Не потому ли, что героические борцы за идею могут угрожать и богам?

Таким образом Гесиод как бы говорит, что выбор зрелым человеком вражды сулит ему гибель, выбор идейной борьбы обрекает его на изгнание и отдаление от человеческого общества. Остается третий выбор – труд. По словам Пророка Исаии, выбирая третий путь, люди должны перестать учиться воевать и перековать мечи на орала. Наступает время тяжелого, но созидательного труда – время “железного поколения”, поколения обычных людей, к которому причисляет себя и Гесиод.

Сама по себе символика железа (черного металла) подчеркивает приземленность этого поколения, пребывающего в заботах, в непрекращающихся трудах. Какова же его основная мотивация? Ее формулирует Гесиод в своей поэме – это вынужденное стремление к мирному, созидательному и созидательному труду, проникнутому уважением к своим сородичам, соплеменникам, к таким же не героям, не духам, а чернорабочим на Земле.

Переход от мифологической части к вполне житейским и рациональным наставлениям Гесиод сопровождает басней о ястребе и соловье. Как говорит он сам, басня адресована царям, “умею-

щим понимать”. Очевидно, ястреб – это образ владыки, царя, но также и образ любого, кто в силу тех или иных причин оказывается сильнее своих соплеменников. Это и образ брата Гесиода – Перса. Владыки держат простых и бедных людей в своих “когтях” как ястреб соловья, и те не имеют реальных сил и возможностей сопротивляться. Но мудрый владыка не должен, как это делает ястреб, хвалиться своим превосходством над слабым, а должен быть милосердным.

Завершив басню, Гесиод обращается к брату: “О, Перс, слушай (законов) справедливости, не твори насилия, ибо насилие есть несчастье для бедного человека, но и богатый может быть принужден снести его”⁴⁸. Это вполне логичный вывод из сказанного до этого Гесиодом: люди “железного поколения” равны перед трудностями жизни, перед необходимостью трудиться, они в равной мере одержимы пороками и надеждой на лучшее. Без взаимопонимания, взаимного уважения, взаимной помощи в повседневной жизни и это поколение обречено на гибель.

В басне о ястребе и соловье, возможно, заложен и еще один скрытый смысл. В основе благополучия лежит труд простого человека. Он не герой, не титан, не владыка. Труд – его “песня”, его “голос”. Насилие над “маленьким” человеком-тружеником мешает его созидательному труду, а значит, мешает росту благосостояния всего общества. Гесиод призывает к справедливому отношению к тому, кто трудится и не богат. Это – ключ к благополучию для всех.

Любопытно то, что практически ту же мысль формулирует Никколо Макиавелли, отсылая свою книгу “Государь” Лоренцо Медичи: “Чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу”⁴⁹. Таковы хозяйственная этика и хозяйственный гуманизм Гесиода, опередившие его время на многие столетия и оказавшие пока еще не оцененное должным образом влияние на европейские социально-экономические воззрения нового времени.

* * *

При чтении поэмы Гесиода и работ его последователей, а также более поздних толкователей и пересказчиков древнегреческих мифов на память приходят превращения, которые пережила фламандская живопись на рубеже XVI–XVII вв. нашей эры. Так, в работах П. Брейгеля явственно

⁴⁸ Гесиод. Цит. соч. Ст. 213–215.

⁴⁹ Макиавелли Н. Государь. М., 2013. С. 4.

ощущается дух рациональной ответственности первых буржуа, скованных средневековым феодализмом. Брейгель в своих картинах и по сути, и по форме – явный сторонник Реформации (хотя, возможно, в жизни он таковым и не был). У него аскетизм сочетается с верой в собственное “я”, жизнелюбие – с презрением к расточительству и излишествам, глубокий фатализм – с иронией над неискоренимыми человеческими пороками, фантазмагорическая мистика – с повседневностью и будничностью окружающей его жизни. Живопись Брейгеля – это визуализация нравоучений Гесиода, причем иногда с прямыми заимствованиями из древнегреческой мифологии или библейской истории (например, бытовой сюжет с падением Икара, строительство Вавилонской башни).

В XVII в. дети и ученики Брейгеля создают новую живопись освободившихся буржуа, которые уже стали привилегированным классом. Их добродетельность и аскетизм все больше замещаются подчеркнутой сытостью, достатком, роскошью. На полотнах нового поколения фламандцев мы видим богатые явства, довольные лица людей, одетых в дорогие одежды. Все цветет и наливаются соком, как шикарные букеты цветов или фруктовые натюрморты. Внешне мир куда менее удручен своими повседневными заботами, тяготами

и кропотливой работой в поте лица. Мещанский дух все отдаляется от буржуа; душа последнего, как считал Зомбарт, наполняется духом торгашеским, алчным и циничным. “Отношение купцов и финансистов к религии в значительной степени отличается, и всегда отличалось, скепсисом и равнодушием”, – обобщает эту трансформацию Макс Вебер⁵⁰.

Схожие превращения происходят и с хозяйственным мировоззрением. Его гуманитарное наполнение меняется, происходит подмена ценностей. Гуманизм все больше уступает место так называемому экономизму, который полагается на рациональность человеческого поведения, его внесоциальный индивидуализм. Хитрый стяжатель чужого добра Прометей превращается в героя, а Пандора – в тщеславную домохозяйку из театральных комедий и фарсов. А поиски Человека, которого почти разглядел Гесиод в ежедневной хозяйственной деятельности, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие начинаются все от той же “печки”.

Ключевые слова: “гуманитарная экономика”, “экономизм”, индивидуализм, мейнстрим, хозяйственная этика, Гесиод.

⁵⁰ Вебер М. Цит. соч. С. 155.